

НИКОДИМ

митрополит Харьковский и Богодуховский

ЖРЕБИЙ БОЖИЙ

Фрагменты памятного и пережитого

Посвящается моим предкам — буковинским крестьянам из рода Матейковых и всем ревнителям правды Божией, с которыми мне судилось встречаться на житейских перепутьях и трудиться на ниве Господней ради вечной славы Его.

Недавно мои земляки — ученики и учителя школы села Давидовцы Кицманского района Черновицкой области — прислали мне бесценный дар: снятый ими видеофильм “Хай святиться твое ім’я, людино”. В нем рассказывает о моем жизненном пути, пастырском и архипастырском служении, моих богословских и литературных трудах.

Я всматривался в экран, узнавал улицы и окрестности родного села, где я появился на свет, где моими босыми детскими ножонками истоптана каждая тропка, где в лесу мне были ведомы самые заповедные грибные и ягодные места, где мои губы припадали к такой вкусной родниковой воде, какой после мне не довелось пить нигде. Там я пас овец, пахал землю на волах, впервые перешагнул школьный порог. Там остались могилы моих предков, там, на родной земле, продолжают трудиться дети, внуки и правнуки моих сверстников. Там звучит неповторимая буковинская речь, там на праздники люди наряжаются в такие вышиванки, каких не сыскать во всем белом свете, там задорно играют музыканты, а красавицы-девчата поют такие щемящие душу песни, что слезы наворачиваются на глаза.

В кадрах фильма несколько раз появляется маленький мальчик, шести-семи лет от роду, с широко распахнутыми глазенками, которые пылливо всматриваются в простирающийся пред ними мир. Чем-то он напомнил мне самого меня в уже очень далекие детские годы. И неудивительно, — ведь этот мальчик оживил в моей памяти полузабытые события и многие образы прошлого и побудил взяться за давно задуманную, но не раз откладывавшуюся “на потом” из-за хронической нехватки времени работу надписанием воспоминаний о былом.

И сейчас, когда затихает дневной шум, прерывается поток больших и малых дел и забот и сгущаются вечерние сумерки, я мысленно переношусь в прошлое.

*Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно.
(А. С. Пушкин. “Борис Годунов”)*

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

О моих предках по отцовской линии я могу сообщить лишь самые отрывочные сведения. Мой отец лишился своих родителей в детстве. Я помню, что у него был старший брат Макарий и сестра Евфимия, которая вышла замуж за Георгия Олиевского из села Гавриловцы. Но никто из этих близких родственников не заботился о моем отце в его детские годы, и он рос, как трава при дороге, не согреваемый ни лаской, ни любовью. Фамилия моего отца — Руснак. Эта фамилия широко распространена в моей родной Буковине. В именном указателе тома “История городов и сел Украинской ССР”, посвященного Черновицкой области, значатся 18 моих именитых земляков с такой фамилией. Имя и отчество отца — Степан Георгиевич. Ни одной фотографии его у меня не сохранилось. Впрочем, их, скорее всего, и не было. От матери остались только две фотографии, сделанные незадолго до ее смерти. Да и я сфотографировался в первый раз в 17 лет. Уже одно это говорит о той беспросветной нужде, в которой мы жили. Ведь с конца XIX века в богатых семьях было принято заводить фотоальбомы, которые часами разглядывали гости дома.

О своей родословной по материнской линии я знаю со слов моей матери — Параскевы Георгиевны Кавьюк. Дед ее отца Матей (Матфей) был незаурядной личностью, храбрым воином, участником Русско-турецкой войны. О какой войне — 1768–1774 или же 1787–1791 годов — шла речь в семейном предании, мать не уточняла. Но, скорее всего, это была вторая из упомянутых войн, в которой русские одержали ряд блестящих побед над Османской империей в морских сражениях под руководством талантливого флотоводца Ф. Ф. Ушакова и в сухопутных сражениях под руководством знаменитого полководца А. В. Суворова. Однако результаты войны не соответствовали ни военным успехам России, ни понесенным ею жертвам. Правда, Ясский мирный договор зафиксировал присоединение к России территории между Бугом и Днестром. Но Бессарабия, Молдавия и Валахия были возвращены туркам-османам.

Так вот, во время Русско-турецкой войны мой прапрадед Матей, по всей вероятности, командовал воинским отрядом и героически сражался с турками. Вполне возможно, он был в рядах тех, кто под командованием А. В. Суворова в 1790 году штурмовал Измаил. Но затем воинское счастье изменило ему, и в одном из сражений он попал в плен. С пленными, отрекшимися от Православия и перешедшими в мусульманскую веру, турки обходились милосердно. Остальных они отправляли на каторжные работы в придунайские земли. Среди этих остальных оказался и мой прапрадед Матей — ревностный христианин, не пожелавший променять свою святоотеческую православную веру на объедки от трапез тех, с кем он еще недавно доблестно сражался.

На турецкой каторге многие пленные быстро обессиливали. Этим несчастных людей турки убивали и затем кормили их мясом тех, кто еще в состоянии был работать. Пленные удостоверились в этом, обнаружив однажды в пище человеческий палец. Но ни непосильный труд, ни побои и издевательства тюремщиков не сломили моего прапрадеда. Обладая незаурядными организаторскими способностями, он склонил группу пленников к побегу. Более того, он уговорил повариху — православную женщину, угнанную в турецкую неволю, открыть ночью ворота лагеря, где содержались пленные. Она согласилась на это при условии, что беглецы-каторжане возьмут ее с собою.

Побег удался. Мой прапрадед возвратился в родное село. Его имя пользовалось среди земляков чрезвычайной популярностью. Всех членов его семьи стали называть “Матейковы”. Затем это славное имя, как бесценное наследство, закрепилось за всеми последующими поколениями нашего рода. Моего прадеда, деда, маму и ее сестру в селе также называли “Матейковыми”. А меня, когда я подрос, односельчане ласково звали “Русначок”. И поскольку в селе были, кроме нас, семьи, которые носили фамилию Руснак, то,

идя по улице, я иногда слышал за своей спиной такой разговор сельских кумушек: “А чий то Русначок?” – “Та то син Параски Матейковой”.

Мой прадед Стефан и дед, Георгий Степанович Кавьюк, жили в те времена, когда Буковина находилась под австро-венгерским владычеством. Им довелось претерпеть немало невзгод, связанных с жесточайшим преследованием в нашем крае православных за их веру. Мой дед, о котором я вспоминаю с глубокой любовью, рано овдовел и остался с пятью детьми: двумя сыновьями (Иоанном и Николаем) и тремя дочерьми. Старшей из них была Екатерина, средней – моя мать Параскева и младшей – Мария.

МОЛОДЫЕ ГОДЫ МОЕЙ МАТЕРИ

Из-за неопишуемой бедности Иоанн и Николай навсегда покинули отчий дом и уехали искать лучшей доли в далекую Канаду. Мой дед со своими дочками остался вековать в родном селе. Старшая дочь Екатерина жила вместе с отцом, а моей матери и ее младшей сестре Марии довелось идти “в люди”: матери – в служанки к сельскому священнику, отцу Иоанну Карпьюку, а Марии – в служанки к сельскому дьяку Цуркановичу.

Священник отец Иоанн, в доме которого на протяжении четырех лет служила моя мать, был вдовцом. Его младшие дети (их имен я не помню) учились в университете, а старшая дочь Ефросиния ведала домашним хозяйством отца. Она сильно подружилась с моей матерью. В задушевных беседах, которые велись между ними, они постепенно, с помощью Божией, определили главную цель своей жизни: остаться в безбрачии, посвятить свою жизнь Богу и вступить в один из буковинских женских монастырей.

Но эти планы разрушила начавшаяся в 1914 году Первая мировая война. Буковина стала ареной ожесточенных сражений российских и австро-венгерских войск. Власть в крае трижды переходила из рук в руки. Людям, населявшим его, довелось переживать невероятные трудности. Священник отец Иоанн Карпьюк с дочерью Ефросинией перебрался в Черновцы, а моя мать возвратилась в отчий дом. К тому времени ее старшая сестра Екатерина вышла замуж. На плечи моей матери легли все домашние заботы. Поэтому ей пришлось на долгие годы отложить осуществление своей девичьей мечты о вступлении в монастырь.

После окончания Первой мировой войны из-за крайней нищеты, царившей в родительском доме, мою мать выдали замуж за 18-летнего сироту Степана Георгиевича Руснака, которому по наследству досталась полуразрушенная, крытая соломой, хатенка.

Сиротство наложило заметный отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Он так и не смог стать самостоятельным хозяином. Да и возможностей для того, чтобы обзавестись собственным хозяйством, у него не было. Всю свою жизнь он работал на чужих людей и перебивался случайными заработками, которые не приносили в дом достатка. А все заботы о домашнем очаге легли на плечи моей матери. В 1921 году, 5 апреля по старому стилю (18 апреля по новому стилю) на свет появился я. Ни о каких роддомах тогда в наших краях и помину не было. Принимала роды бабка-повитуха.

ЖРЕБИЙ БОЖИЙ И МАТЕРИНСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

В те времена в Буковине бытовал такой обычай. После первой купели перед младенцем раскладывали разные предметы. Считалось, что то, до чего он дотронется ручонкой, является предзнаменованием его будущей судьбы. Дотронется до уздечки – быть ему конюхом, до рубанка – столяром, до кошелюка – богачом-купцом. Дальше этого мечты моих земляков не шли. Моя мать обшарила взглядом нашу убогую горенку и положила передо мною самое дорогое, что в ней было – старинную Библию... И я дотронулся до нее!

Эта история, рассказанная мне позже матерью, произвела на меня глубокое впечатление. Но вместе с тем в детские годы я еще полностью не осознал значения этого события, только позже ко мне пришло понимание того, что Библия, к которой я прикоснулся своей младенческой ручонкой, была Знамением Божиим, символом жребия, предначертанного мне Богом. Вспо-

миная сейчас об этом событии, я воспринимаю его и как святое материнское благословение: жить по слову Божьему. И позже мать не раз повторяла мне: “С неправдой, сынок, и до края земли дойти можно, да вот только назад воротиться трудно будет”. Значение этих слов я также осознал не сразу. Назад возвратиться трудно будет не только потому, что люди обличат тебя как лжеца, а и потому, что ты потеряешь самого себя, предашь попранию жребий Божий – то, ради чего ты призван в этот мир.

Святые материнские слова я хранил и буду хранить в душе моей до последнего вздоха. И хотя моей матери уже давно нет среди живых, ее образ никогда не изгладится из моей памяти. И вряд ли у меня, да, наверное, и у любого другого человека найдутся такие слова, которыми можно было бы в полной мере оценить самозабвенное подвижничество наших матерей. С каждым прожитым нами годом мы все глубже осознаем, какой надежной твердыней, каким убежищем, спасавшим ото всех житейских невзгод, было для нас материнское сердце.

Из рассказов матери о моих младенческих и ранних детских годах мне вспоминается такой эпизод. Когда мне было три годика, в один из дней, я, взгромоздившись на лавку, перелистывал Святое Евангелие с картинками. Мое внимание привлекла иллюстрация, на которой было изображено, как римские воины избивают плетью Иисуса Христа, привязанного к столбу. Мне стало несказанно жалко страдальца Христа. Не долго думая, я взял в руки ножницы и вырезал изображения воинов, чтобы они не мучили Христа. Конечно же, когда мать возвратилась домой, мне от нее здорово влетело за то, что я не только испортил иллюстрацию, но и искромсал напечатанный на обороте листа с картинкой евангельский текст. Благодаря этому маминому уроку я через всю свою дальнейшую жизнь пронес бережное, даже можно сказать трепетное, отношение к книгам. А Евангелие стало и осталось для меня Книгой книг, величайшей Святыней.

Этим эпизодом я хочу закончить ту часть моих воспоминаний, в основе которых лежат рассказы моей матери. Дальнейшие события запечатлелись в моей цепкой детской памяти. Попытаюсь поведать о них.

К СТЕЗЕ, ПРЕДНАЧЕРТАННОЙ БОГОМ

Ранее я рассказывал о Знамени Божием, ниспосланном мне в первые часы после моего появления на свет. Когда я размышляю об этом, мне приходят на ум слова святого Оригена о том, что человеческая природа не способна найти Бога без помощи Его Самого. Но вместе с тем этот великий религиозный мыслитель подчеркивал, что действия благодати Божией находят отклик не во всех человеческих сердцах. По словам Оригена, дождь одинаково орошает землю, но есть земля, которая впитывает его для того, чтобы взрастить полезные растения, и есть земля, которая, впитав небесную влагу, производит тернии и волчцы. Одно и то же солнце размягчает воск, но делает твердой глину. Бог всегда хочет и всегда может утешить нашу душу, но и нам надлежит сделать усилие для того, чтобы распахнуть ее навстречу Врачевателю.

Как я уже вспоминал, моя младенческая душа бессознательно распахнулась перед врачующим Словом Божиим, а моя младенческая ручонка интуитивно дотронулась до Святой Библии.

Не раз вспоминал я об этой книге и о моей матери, благословившей меня на жизнь по Слову Божьему. Но вполне осознанно на стезю, предначертанную мне Богом и приведшую меня в монастырь, я ступил в 17 лет.

Как же я пришел к этому судьбоносному решению, означавшему разрыв со всем тем, что осталось за монастырскими стенами? Что повлияло на мой выбор? Попробую ответить на эти вопросы.

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ВЗРОСЛЕНИЕ

Внешне моя жизнь до 17 лет мало чем отличалась от жизни моих сверстников из бедняцких семей. Хатка, в которой я родился, находилась на восточной окраине села, в долине под горой, которую в народе называли “Зозули-

ною горою”. За ручьем, протекавшим мимо нашего дома, жила семья Дионисия Константиновича Бевцика – самая богатая в нашем селе. Дальнейший рассказ о моей судьбе будет не раз переплетаться с рассказом о судьбе этой семьи и, прежде всего, ее главы. Мои родители добывали скудный кусок хлеба поденной работой в хозяйствах помещиков и сельских богатеев. Они часто ходили на заработки к помещикам Эгелесам и Гардерам в село Веренчанка, ежедневно преодолевая пешком путь в 7 километров до места работы и 7 километров обратно. Кроме того, мои родители трудились за пропитание в хозяйстве Дионисия Бевцика. Совсем маленьким довелось начать трудовую деятельность и мне.

Правда, первый в моей жизни заработок не был связан с приложением особых трудовых усилий. Мне тогда было три или четыре годика. И вот однажды дети нашего богатого соседа Дионисия Бевцика позвали меня поиграть вместе с ними. Мне очень хотелось того же самого, так как сидеть одному дома, когда родители ушли на работу, было скучно. Но еще больше мне хотелось есть. И поэтому я пустился на маленькую хитрость. “Дадите белого хлеба с салом, – крикнул я им, – то буду играть с вами, а не дадите – не буду!” Детям Дионисия Бевцика ничего не стоило выполнить мое условие. А мне, которому не каждый день выпадал и кусочек кукурузного хлеба, принесенный ими за игру “гонорар” доставил не сравнимое ни с чем удовольствие. И впоследствии, чем больше был приносимый детьми нашего богатого соседа ломоть хлеба с салом, тем азартнее я играл с ними. Так было положено начало моему “трудовому стажу”.

Но мои детские игры продолжались недолго. Вскоре я уже пас овец Дионисия Бевцика, а когда немного подрос и окреп, то стал выполнять и более тяжелые работы.

Продолжал я ходить на поденную работу и в свои школьные годы. Преподавание в нашей школе велось на румынском языке. Да и в других буковинских школах тоже. Ведь в результате школьной реформы в 1927–1928 учебном году в Буковине не осталось ни одной украинской школы. Правда, на протяжении одного года нам преподавал украинский язык учитель Олексюк, который приходил в нашу школу из села Ставчаны.

Самыми любимыми моими школьными предметами были математика и история. Я восхищался богатейшим духовным наследием Киевской Руси и Галицко-Волынского княжества, героической борьбой наших далеких предков с монголо-татарским нашествием, подвигами запорожских казаков, которые мужественно защищали свои дома, алтари и погосты, а также буковинскими народными вожаками Олексой Довбушем и Лукьяном Кобылицей. Но с особым интересом я читал исторические очерки о доблестном ратоборце и ревностном защитнике Православия Стефане III Великом (1457–1504), господаре Молдавии. Замок этого правителя в городе Сучава сохранился до наших дней. А сам господарь во время празднования 2000-летия Рождества Христова был причислен к лику святых.

...Вспоминая о своих молодых годах, мне не хотелось бы, чтобы у читателя сложилось впечатление, будто в моей жизни и жизни моих сверстников не было ничего, кроме хронической бедности, тяжкого крестьянского труда и школьных занятий. Ведь мы быстро выросли. А разве может молодость, ощущающая с каждым новым днем прилив новых сил, обходиться без шуток, веселья, песен и всяческих, с моей теперешней точки зрения, легкомысленных и не всегда безобидных забав? Было все это и в нашей, не слишком щедрой на радости молодости. Когда мы шли на работу на помещичьи поля, в котомке у каждого из нас лежал только черствый ломоть кукурузного хлеба. Но, возвращаясь после утомительного трудового дня домой, мы на все село распевали наши любимые украинские песни. Люди, сидевшие вечером на скамейках возле своих калиток, с удовольствием слушали наше пение, вспоминали свою молодость и украдкой вздыхали. Правда, были и такие, особенно из числа зажиточных односельчан, которые вслед нам брюзжали: “И с чего бы этой голытьбе так петь!” А мы пели, потому что песен просили наши молодые души. Умывшись и наскоро перекусив, мы снова собирались вместе и снова пели и танцевали под аккомпанемент задорной сопилки. И далеко за полночь над селом звучали наши звонкие голоса.

Из-за наших шумных развлечений у нас постоянно возникали конфликты с румынскими жандармами (в те годы Буковина входила в Румынию). Они до-

вольно часто разгоняли нас, но и мы не упускали случая для того, чтобы лишний раз позлить их. Однажды сентябрьским вечером мы учинили над румынскими жандармами такую далеко не безобидную потеху. В центре нашего села, вдоль огорода хозяина, по фамилии Дженехай, тянулась маленькая улочка. Из-за многих родничков на ней образовалось болотце, поверх которого струился поток воды, стекающей с обрыва. И нам, в наши неразумные молодые головушки, пришла мысль протянуть в десяти местах поперек этого потока, на уровне чуть пониже колен, куски проволоки и закрутить их концы на растущих над водой ивах. Задумано – сделано. После этого мы стали громко шуметь. На наши разудалые крики сбегались жандармы и пустились за нами в погоню. Наши шустрые молодые ноги лихо перепрыгивали через устроенные нами ловушки, а жандармам довелось не раз полоскать свои носы в болоте. Мы же под аккомпанемент звучащей вслед нам жандармской ругани успели разбежаться по домам.

Дома я быстренько разделся, вспрыгнул на печку и укрылся вереней (домотканым одеялом из волокон конопли). Вскоре раздался стук в дверь. В хатку вошли жандармы и попросили разрешения обсушиться у нас после своего вынужденного купания. Они обратились к нам потому, что у нас, несмотря на позднее время, горел свет. Один из них беспрестанно повторял: “Если бы я поймал хоть одного из этих злоумышленников, то разорвал бы его на куски!” В это время его потенциальная жертва, то есть я, лежала на печке и тихонько прыскала в кулак. А моя мать, поливая на руки воду отмывавшимся от грязи жандармам, украдкой укоризненно посматривала в мою сторону, словно говоря: “Допрыгаешься ты когда-нибудь!”

В другой раз для изымательства над жандармами мы воспользовались “техническими средствами” – фонариками. Мы разделились на четыре группы по два хлопца в каждой и заняли “боевые позиции” среди верб в четырех концах села. После этого первая группа вдохновенно начала “кошачий концерт”. Когда жандармы помчались к источнику шума, в небо устремились лучи света от фонариков лихих артистов. Это было сигналом к продолжению концерта на другом конце села. Бедные жандармы носились вдоль и поперек села до трех часов ночи. Как они выражали свое возмущение, осталось для нас тайной. Но, несмотря на это, мы получили от своего “геройства” высшее удовлетворение.

Зимней порой, в середине декабря, в нашем селе устраивались вечерницы. Девчата и вдовье молодичицы, собравшись в доме одной из них, пряли пряжу из конопли и льна, а хлопцы плели себе из ржаной соломы шляпы. Я был непременно участником всех вечерниц.

У своей матери и тети я перенял прекрасные украинские песни, был завзятым танцором и заводилой во всех наших потехах. В хате, где проходили вечерницы, немолчно звучали шутки, смех и песни. Особенно мы любили петь песню “Ой, не ходи, Грицю”. Я до сих пор помню ее от строчки до строчки...

Впрочем, “чорнобровым дивчатам и молодыцям”, с которыми мы дружно распевали эту и другие песни, также иногда было несладко от наших проделок. Особенно мы подтрунивали над их гаданиями. Потешались мы и над суеверными людьми, перешагнувшими порог молодости. Как-то, когда все наше село побелело от только что выпавшего снега, мы подшутили над одной нашей очень суеверной сельчанкой. Вечером набрали из печной трубы полную сумку сажи и рассыпали ее вокруг дома этой хозяйки. Увидев утром на иссиня-белом снегу черную сажу, она страшно испугалась, так как подумала, что кто-то наслал на нее порчу. Она суетливо захопотала, принесла ворох соломы, обрызгала ее каким-то заранее припасенным зельем и сожгла все это на четырех углах своего дома. К тому же, падая на колени и, то воздевая к небу руки, то опуская их, она шептала слова отговора порчи от своего дома.

К заговорам и отговорам от всяческих напастей в нашем селе прибегали довольно часто. Приведу слова одного из запомнившихся мне отговоров:

*В далеких лесах стоит черная гора,
на черной горе — черный лес,
в черном лесу стоит черный человек
с черным топором в руках.
Он черный лес рубит, в ряды складывает.*

— *Лышай, чоловиче, лис рубаты, дрова складаты,
прыдды до мэнэ, хрэцэнной и нарэченой,
И допоможи мэни насланя видрубаты.
Нэхай вси святы всю наслану порчу видсекуць
и на чорный потик виднесуць,
щоб вона в чорну ричку поплывла
и в Чорному мори потонула до дна,
а мий дом в спокои залишила.*

Произнеся заговор, суеверная женщина истолкла чеснок и посыпала им места, обезображенные черной сажой. Наблюдая из-за укрытия за этими обрядами, мы хохотали до слез.

Вспоминая об этом сейчас, я нахожу большие литературные достоинства в словах приведенного мною заговора и с восхищением думаю о том, каким великим словотворцем был и остается наш народ. Правда, при этом я и сейчас не могу мириться с суевериями, распространители которых тщатся поставить их выше апостольского и святоотеческого учения и святых молитв. Мне жалко тех, кто, только начав посещать храм Божий и, имея весьма отдаленное представление о вероучении Святой Православной Церкви, прельщается умоблудием суеверных кликуш.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ И БЕСПОВОРОТНЫЙ ВЫБОР

Вот так, с описанием некоторых частных и с отступлениями, я приблизился к кульминационному пункту рассказа о моих юных годах. В августе 1938 года, вскоре после того, как мне исполнилось 17 лет, я работал на уборке урожая у помещика Эгелеса. И вдруг, в разгар рабочего дня, я неожиданно для себя самого прервал работу, застыл как вкопанный и воскликнул: “Все, хватит, я ухожу в монастырь!”

И уже в следующее воскресенье я отправился к нашему сельскому священнику, отцу Онуфрию Иванюку. До назначения в наше село он был настоятелем храма в селе Звеняче, которое граничило со Свято-Иоанно-Богословским Крещатинским монастырем. Отец Онуфрий был в хороших отношениях с настоятелем этого монастыря. Так вот, я пришел к отцу Онуфрию Иванюку просить его ходатайства перед настоятелем о том, чтобы меня приняли в число насельников святой обители. Отец Онуфрий Иванюк знал меня как усердного прихожанина и поэтому отнесся к моей просьбе с пониманием. Но присутствовавшая при этом разговоре матушка, которая была наслышана о многих моих проделках, громко расхохоталась и, обращаясь ко мне, сказала: “Ды-высь-ко, хто зибрався у монастир! Та ти ж там иі двох тыжнив не вытрымаеш!” Как знать, может быть, я не выдержал бы не только двух, но и одной недели монашеской жизни, если бы на мое монашеское послушание не было воли Божией!

Кроме священника, отца Онуфрия Иванюка, о своем решении уйти в монастырь я сообщил только моей матери. Отец об этом ничего не знал. Мать вначале пригорюнилась. Да и как ей было не горевать? Ведь я был у нее единственным сыном, который мог бы в ее старости стать ее кормильцем и утешителем. Но потом мать вспомнила о своем девичьем желании вступить в монастырь, об обстоятельствах, которые помешали ей осуществить это желание, всплакнула и дала мне свое материнское благословение на иноческое житие.

И вот, в конце августа 1938 года, в воскресенье, на рассвете, потихоньку, чтобы не разбудить отца, мать собрала мне узелок с чистым бельем и хлебом и проводила меня до конца нашего огорода. Мы немного постояли. Мать заплакала. А у меня и сейчас выступают слезы на глазах, когда я слышу песню на слова нашего известного украинского поэта Андрея Малышко:

*Ридна маты моя, ты ночей нэ доспала,
И водыла мэнэ у поля край сэла,
И в дорогу далэку ты мене на зори проводжала,
И рушнык вышиваны на щастя, на долю дала.*

Расставаясь, я расцеловал свою мать, закинул за плечи котомку и пошел по дороге, которая вела меня в монастырь и в простирающуюся за ним, неведомую никому, кроме Бога, даль.

Безрелигиозному человеку или человеку, чья религиозность ограничивается посещением храма по большим церковным праздникам, трудно понять причины, побудившие меня к вступлению в монастырь. Возможно, некоторые скажут, что за монастырские стены меня толкнула беспросветная нужда. Но ведь как раз одним из главных монашеских обетов является обет добровольной бедности, нестяжания земных благ. Может быть, кто-то заметит, что мне надоела бесконечная, однообразная, изнурительная крестьянская работа. Но ведь и удел монаха – это такой же, а может быть, и более тяжкий, чем в миру, физический труд и не прерывающееся ни на миг молитвенное служение Богу.

Нет, причины моего ухода в монастырь были намного глубже. Благодаря влиянию моей глубоко религиозной матери и немногих встреченных мною в молодые годы, выделявшихся из общей массы, людей, которые ощущали затхлость окружавшего их стоячего болота обывательского существования, мое влечение к монашеской жизни проявлялось в неуспокоенности моего духа, в его устремленности к высшим ценностям, в моей приверженности к религиозной жизни и любви к православному храму, где я ощущал тоску по иной, прекрасной действительности, по своему истинному Небесному Отечеству.

Мои отроческие и юношеские чувства во время богослужения поразительным образом совпадают с прекрасно переданными Святым Иеронимом чувствами монахов, слушающих проповедь своего настоятеля: “Тихо катятся по щекам слезы, и скорбь не прерывается даже стоном. Когда же он начинает вещать о царстве Христовом, о будущем блаженстве и о славе, ты увидишь, как все слушающие сдерживают дыхание, и поднятые к небу их глаза как бы говорят про себя: “Кто дал бы мне крылья, как у голубя, я улетел бы и успокоился!”. Каждое воскресенье и по всем церковным праздникам я вместе со своей матерью ходил в храм Божий. Особенно запомнилась мне служба пятой недели Великого поста – чтение Покаянного Канона преподобного Андрея Критского. Это прекраснейшее церковно-богослужбное произведение до сего дня потрясает мою душу. Глубокий след в ней оставили также паломничества по окрестным монастырям, в которые моя мать непременно брала с собою меня.

Несколько раз вместе со своими тетями, родными сестрами моей матери, я совершал паломничества в Сучаву для поклонения мощам Святого великомученика Иоанна Сучавского. До сегодняшнего дня мне помнится запах восковых свечей, ладана, смирны и святые богослужения в Святынях нашей буковинской земли.

Более чем через полвека, в 1988 году, меня пригласили в Румынию на форум “Люди и религии”. Во время пребывания в этой стране мне выпало духовное счастье вместе с Предстоятелями всех Православных Церквей служить Божественную Литургию в знакомом мне с детских лет монастыре Святого Иоанна. Со слезами на глазах вспоминал я те далекие годы, когда Ангел Господень водил меня по этим дорогам, утверждая мою юную душу в любви ко Господу и Его Святым угодникам, приготавливая меня к моей будущей монашеской жизни, пастырскому и архипастырскому служению.

Конечно, читая в детские годы Святую Библию, я понимал в ней далеко не все. Да и сейчас я не смею утверждать, что полностью постиг ее. Погружаясь в глубины премудрости этой Книги книг, я каждый раз открываю в ней что-то новое, недоступное моему разумению раньше, черпаю из нее утешение и вдохновение.

Начальные знания вероучительных основ Святого Канонического Православия мне и моим сверстникам ревностно прививал наш сельский священник, отец Иоанн Смеречанский, которого очень уважали все сельчане. В предпасхальные дни парубки и девчата, и я в том числе, украшали иконы нашего святого храма барвинковыми венками. Каждое воскресенье отец Иоанн проводил с молодежью занятия по Православному Катехизису. В младших классах я дружил с сыном отца Иоанна Ромчиком (Романом). Иногда он приглашал меня к себе. Истинное, не показное благочестие и благонаравие, царившие в доме священника, восхищали меня и служили мне надежным ориентиром в моих духовных поисках.

Таким образом, мое вступление в монастырь было предопределено как многими внешними влияниями, так и напряженными духовными поисками мятущейся юношеской души, которая искала ответ на “вечные” вопросы. Но непосредственным толчком для моего вступления в святую обитель послужили для меня встречи и разговоры с моим соседом Дионисием Константиновичем Бевциком и мои размышления об извилистом и трагическом жизненном пути этого человека, который пренебрег предначертанным ему жребием Божиим ради суетных, преходящих благ. В дальнейшем, с высоты моего теперешнего возраста, я буду называть его просто по имени – Дионисием.

НЕ ПРЕНЕБРЕГАТЬ ВЕЧНЫМ РАДИ СУЕТНОГО И ПРЕХОДЯЩЕГО!

С детства Дионисий отличался глубоким христианским благочестием. А 18-летним юношей он вместе со своим отцом и группой односельчан совершил паломничество ко святым местам: в Палестину и на Святую гору Афон, которая расположена на глубоко врезающемся в Эгейское море полуострове Халкидики, на северо-востоке Греции.

Это паломничество длилось более двух месяцев. В Палестине паломники посетили Святую Гроб Господень, Святую Голгофу, град Вифлеем, где родился Иисус Христос, град Назарет, где Спаситель мира провел Свои детские и юношеские годы со Своей Пречистой Матерью и Праведным Иосифом, а также град Сихар, колодец Иакова и другие святые места, в том числе святую реку Иордан, где они с благоговением погрузились в воды Иорданские и набрали в заранее припасенные сосуды святую воду, дабы привезти ее домой.

После святой Пятидесятницы женщины-паломницы стали возвращаться домой, а мужчины направились на Святую гору Афон. На ее лесистых холмах, среди 20 православных монастырей – греческих, болгарских, сербских, грузинских – возвышались строения древнего, получившего самостоятельный статус в 1169 году, русского Свято-Пантелеимонова монастыря. В конце XIX – начале XX вв. он переживал период наивысшего расцвета. В нем пребывало около двух тысяч российских монахов. Площадь, которую занимали монастырские строения, намного превышала площадь Ватикана. Российские православные владения на Афоне в 1913 году оценивались в 80 миллионов золотых рублей. Российские суда раз в неделю прибывали в Афонский порт Дафни. Кроме того, у монастыря было два собственных судна, которые совершали регулярные рейсы в Одессу, Батум и Константинополь.

На Святой горе Афон паломники из моего родного села посетили множество храмов и скитов и, пребывая в посте и молитве, с глубоким благоговением укрепляли себя в святой благодатной православной вере. Духовная жизнь подвижников Святой горы произвела такое громадное впечатление на юношу Дионисия, что он, посоветовавшись с отцом и получив его родительское благословение, решил, что во время следующего паломничества он навсегда останется на Святой горе Афон и посвятит всю свою дальнейшую жизнь монашескому подвигу в уделе Божией Матери, Которая считается Игуменьей Святой горы.

Через некоторое время Дионисий, его отец и группа паломников из нашего села вновь отправились на поклонение Святыням в Палестину и на Святую гору Афон. Дионисий пустился в путь с твердым намерением остаться до конца дней своих на Святой горе Афон, дабы вдали от суетного мира свершать свой молитвенный подвиг вместе с другими подвижниками, взыскающими града Небесного. Прибыв на Святую гору Афон, Дионисий получил благословение настоятеля русского Свято-Пантелеимоновского монастыря (который с XVIII века назывался “Новый Руссик”) на то, чтобы навсегда остаться на иноческом послушании в этом монастыре.

Наступила последняя ночь пребывания паломников на Святой горе Афон. Закончилось ночное богослужение. Паломники, в том числе и отец Дионисия, пошли отдохнуть перед дальней дорогой. Дионисий остался один. Он сел на камень и погрузился в раздумья о своей дальнейшей судьбе. И тут, среди окружавшей его Божественной красоты, Дионисия подстерег враг рода человеческого, который вознамерился отвратить юношу от предначертанного ему Богом пути.

Предостерегая от соблазнов диавольских, Святой Иероним писал: “Не будем, проходя по путям этого мира, облекаться двумя туниками, т. е. двоев-

рием, не станем отягощаться кожаной обувью, т. е. заботами о смертном, пусть нас не давит к земле ноша богатства, не будем опираться на тростник, т. е. на мирское могущество; не пожелаем почитать одинаково и Христа, и мир. Место скоропреходящего и тленного пусть займет вечное; и ежедневно умирая (я говорю о теле), не будем считать себя вечными в остальном, чтобы иметь возможность стать действительно вечными”.

Но разве мог хлопец из далекого буковинского села знать эти слова Святого Иеронима? Да если бы он их и знал, то вряд ли смог бы противостоять доводам лукавого искушителя, которые, подобно змеям, вползали в его мозг и сердце и оставляли в них ядовитую отраву. “Я останусь здесь нищим монахом, — думал Дионисий, — здесь в труде и изнурении будет протекать моя однообразная жизнь, в которой один день ничем не будет отличаться от другого, а в это время мой старший брат Димитрий приберет к своим рукам все богатства нашего отца, будет жить в холе и неге и потихоньку посмеиваться над жалким афонским монахом”. Наконец, не устояв перед коварным искушителем, Дионисий решил: “Нет, я не останусь здесь, на Афоне, а возвращусь вместе с отцом домой!”

Услышав впервые об этом решении Дионисия, я не нашел в душе моей слов, осуждающих его. Не напишу их и сейчас. Ведь даже многие мои соотечественники, на которых в последние годы обрушились неимоверные трудности, не могут представить себе ту нищету, которая царил в Буковине в 20—30-х годах XX века. Безземелье и малоземелье, голод и безысходность ожесточали сердца, толкали людей на такие поступки и преступления, которые в благополучные времена не могут привидеться даже в самом страшном сне. Пожилые люди, живущие в Кицманском районе, до сих пор вспоминают, как в 1935 году один крестьянин из села Киселив (фамилию его по этическим соображениям я не буду называть, хотя и помню ее) вместе со своим братом Иваном и со своей женой убили ее родного сына от первого брака, чтобы поделить между собой землю, которая досталась ему по наследству от отца.

Не осуждаю я Дионисия и потому, что монашеский подвиг во все времена был уделом немногих; его тяжелая ноша по плечу лишь тому, кто находит в себе силы для того, чтобы умереть для мира и вместе с тем ежедневно, ежечасно, ежеминутно сораспинаться за этот самый, лежащий во грехе мир.

Продолжу прерванный рассказ. Когда отец Дионисия стал собираться в дорогу, последний, прискорбно удивив его и настоятеля Свято-Пантелеимоновского монастыря, заявил, что он также решил возвратиться домой. Объясняя это решение, он скрыл подлинную причину — желание завладеть наследством своего отца — и солгал, будто бы его страшит то, что он не сможет выдержать тяжести монашеского подвига. Уговоры отца и настоятеля монастыря оказались напрасными. Дионисий пренебрег предначертанным ему свыше жребием, возвратился домой и с рвением приступил к стяжанию благ мира сего.

Следует заметить, что после возвращения Дионисия в село все в его жизни складывалось в полном соответствии с тем, о чем ему во время ночного бдения на Святой горе Афон нашептывал лукавый искушитель рода человеческого. Дионисий стал самым богатым среди наших односельчан. Повезло ему и в семейной жизни. У него и его жены Домны Крикливей родилось четверо детей: два сына — Константин и Димитрий, и две дочки — Зиновия и Евфимия. Зиновию Дионисий со временем выдал замуж за сына нашего зажиточного односельчанина Матвея Андросука. Другую дочку, Евфимию, Дионисий, опасаясь потерять богатого зятя, еще несовершеннолетней, пятнадцати лет от роду, выдал замуж за Михаила Кошмана. Сын Дионисия Константин женился на одной из самых богатых девушек из села Ставчаны по имени Марфа, которую все у нас ласково называли Тусей (имя, производное от “Марфуси”). Младший сын Дионисия Димитрий был еще мальчишкой и жил в доме отца. Старший брат Дионисия Димитрий умер совсем молодым. Его вдова, оставшаяся с четырьмя детьми, иногда ради пропитания трудилась на поле своего богатого родственника.

Как я уже упоминал, на поле Дионисия нередко доводилось также трудиться моим родителям и мне. Дионисий не был чванливым человеком, и работники питались вместе с его семьей. Во время таких трапез Дионисий, которого явно мучила совесть из-за погрязшего им жребия Божьего, часто рассказывал нам о святой жизни насельников Свято-Пантелеимоновского монастыря и подвижников других монастырей Афона, а также о ревнителях строгого благочес-

тия – исихастах, проповедовавших идею о существовании Божественного Света, который во время Преображения Христа просиял на горе Фавор. Особенно запал мне в душу рассказ Дионисия о дивном строительстве на Святой горе Афон Свято-Симоновского монастыря в честь Рождества Христова.

Перескажу историю этого строительства, поведенную Дионисием. На западной стороне Святой горы Афон в одной из пещер в стародавние времена поселился отшельник Симон со своим послушником. И вот однажды, в Рождественскую ночь, Симон вышел из своей пещеры, присел на камень, лежащий у входа в нее, и погрузился в раздумья. Но вдруг над возвышавшимся пред ним утесом воссиял свет, подобный свету яркой звезды, и отшельник услышал громopodobный глас, который повелел ему: “Симоне, построй здесь Мне Храм!” После этого видение исчезло.

Симон, не медля, пригласил из Греции искусных строителей и обратился к ним с просьбой воздвигнуть на указанном Небесным гласом месте храм в честь Рождества Христова. Осмотрев это место, мастера сказали старцу Симону: “Здесь, на страшной крутизне, нависающей над морем, невозможно какое бы то ни было строительство”. Огорченный старец молвил: “На все воля Божия” – и попросил строителей побыть немного с ним.

Затем Симон послал послушника в пещеру за вином, которым он хотел потчевать гостей. Возвращаясь из пещеры с кувшином вина, послушник поскользнулся и полетел вниз с 200-метровой крутизны. Старец Симон и мастера-строители стали горько скорбеть о случившемся. Но вдруг они умолкли и оцепенели. Из росших возле входа в пещеру кустов в промокнувшей до нитки одежде, но целый и невредимый, появился послушник. В руках он держал даже не треснувший при падении кувшин, в котором плескалось вино.

Когда старец Симон и мастера-строители вновь обрели дар речи, они стали наперебой расспрашивать послушника о случившемся с ним. Послушник сообщил, что в момент падения, когда он уже погружался в волны морские, его подхватил какой-то юноша, взмыл вместе с ним вверх и поставил его перед пещерой. Слушатели сразу же сообразили, что это был Ангел Господень. Греческие мастера осенили себя крестным знамением и сказали: “Богу содействующу, мы приступаем к строительству святого храма на этом скалистом обрыве!” Так на горе Афон возник Свято-Симоновский монастырь.

Этот, а также другие рассказы Дионисия о дивной жизни на Святой горе Афон все глубже и глубже западали в мою душу. Частым гостем у Дионисия был бывший афонский монах Герман из села Дорошивцы Заставнянского района Черновицкой области. Его яркие воспоминания об иноческом подвиге афонских подвижников еще больше укрепляли меня в моем намерении вступить в монастырь.

А на превосходного рассказчика, несостоявшегося монаха и самого богатого человека нашего села Дионисия внезапно обрушились страшные беды и невзгоды, сравнимые разве что с бедами библейского праведного Иова. Первым ударом для него стала смерть при родах его старшей дочери Зиновии. Ее богатое приданое, т. е. значительная часть движимого и недвижимого имущества Дионисия, досталась вдовцу – Матвею Андрощуку.

Пришла беда – отворяй ворота. Мужа второй дочери Дионисия Михаила Кошмана призвали в румынскую армию на железнодорожные работы. Как-то один из его сослуживцев уезжал в отпуск на родину. Михаил решил передать с ним письмо своей молодой жене Евфимии. Но случилось так, что он немного опоздал к поезду. Догоняя его с письмом в руке, Михаил поскользнулся на гравии и попал под колеса, которые перерезали его пополам. Изувеченное тело Михаила привезли домой. Скорбь 18-летней вдовы, ее отца, родственников и близких невозможно передать словами. Через несколько лет Евфимия вышла замуж за разведенного мужчину по имени Илия из села Суховерхоє. Ее дальнейшая судьба мне неизвестна. . .

Но Бог поругаем не бывает. И всеблагая Десница Божия, видимо, решила исполнение того, от чего отрекся Дионисий, мне – сыну его батрака, пасшему в детстве овец у этого богатого человека с трагической судьбой.

Однако Богу было угодно проверить твердость моего намерения посвятить себя монашескому подвигу. Не прошло и нескольких часов после моего ухода из этого дома в монастырь, как весть об этом разнеслась по всему селу. Было воскресенье. В центре села толпились люди. Когда мой отец по какой-то надобности оказался там, его обступили богачи нашего села, которые

втайне мечтали выдать за меня замуж своих дочерей. Они стали укорять отца в том, что он якобы довел сына до того, что тот решил бежать из отчего дома, куда глаза глядят. Осыпаемый укорами отец поспешил домой и устроил там страшный скандал. “Это ты, — кричал он матери, — домолилась до того, что наш сын ушел в монастырь, а все село обвиняет в этом меня. Если ты не приведешь его обратно, то я убью тебя!”

Покрытая синяками от побоев отца, мать примчалась в монастырь и стала слезно умолять меня возвратиться домой. Опасаясь за ее жизнь, я ушел из монастыря вместе с ней, а затем на протяжении двух недель вел крайне болезненные переговоры с отцом. Я подчеркивал, что в моем уходе из родительского дома нет его вины, и убеждал в серьезности моего намерения посвятить свою жизнь Богу. Наконец отец смирился, и я навсегда покинул родительский дом. Моим домом стал Свято-Иоанно-Богословский Крещатинский монастырь, а моей семьей — его боголюбивая братия.

Праведен и велик Ты, Господи, в Своих предначертаниях!

В апреле владыке Никодиму (Руснаку) исполнилось 90 лет. Сотрудники редакции от всего сердца поздравляют маститого архипастыря со славным юбилеем и желают здоровья и благих трудов на церковной и литературной ниве!